

Суть оксиморона заключається в умышленном объединении слов с противоположными или взаимоисключающими значениями для выражения нового целостного понятия или явления в оригинальной форме [3, с. 433–4]. В основе оксиморона лежит объединение двух слов или двух антонимов для достижения парадокса, обусловленного конфликтом между ядерными значениями слов. Конфликт приводит к парадоксальному сочетанию семантических признаков, например, *heavy feather*/ «тяжёлый пух», *light lead*/ «лёгкий свинец». В оксиморонах «*O heavy lightness!*» [16, Act I] и *There was a light heaviness to her voice; it was precisely articulate, as though English were her third or fourth language* [20, с. 105] оба слова имеют общую гиперсема – вес. Для реализации нового значения из семантического поля слова «вес» выделяются антонимы «тяжёлый вес» и «лёгкий вес», из которых и конструируются оксимороны «тяжёлая лёгкость»/ *heavy lightness* и «лёгкая тяжесть»/ *light heaviness*. Парадоксальный и логический аспект мировосприятия проявляются в структуре концептуального оксиморона, объективированного контрастными стилистическими средствами. Оксиморон характеризует концептуальную мобильность.

Таким образом, основными когнитивными процессами при вторичной номинации действительности с использованием концептов *HEAVY* и *LIGHT* в художественном, научном и теологическом дискурсах являются концептуальная метонимия, концептуальная метафора и концептуальный оксиморон. Основными источниками образования смыслов с использованием концептов *HEAVY* и *LIGHT* являются гиперсема «вес», семантические признаки ключевых лексем *heavy* и *light*, образы и ассоциации. Концептуальная метонимия концептов *HEAVY* и *LIGHT* создаётся посредством переноса признака в пределах отношений «носитель вместо характеристики носителя; контейнер вместо содержимого; действие вместо объекта». Образное содержание концептов ТЯЖЁЛЫЙ и ЛЁГКИЙ актуализируется структурными, онтологическими и ориентационными метафорами. В основе структурных метафор находятся схемы СОБЫТИЕ, ТЯЖЁЛЫЙ – ЛЁГКИЙ, ПРИЧИНА – РЕЗУЛЬТАТ.

Дальнейшие исследования следует направить на изучение концептов ТЯЖЁЛЫЙ и ЛЁГКИЙ с использованием базовых понятий лингвосинергетики.

Литература:

1. Белехова Л. И. Глосарій з когнітивної поетики : наук.-метод. посіб. / Л. И. Белехова. – Херсон : Айлант, 2004. – 124 с.
2. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
3. Українська мова : енциклопедія / [ред. : В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін.]. – [2-е вид.]. – К. : Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. – 824 с.
4. Блэк М. Метафора / Макс Блэк // Теория метафоры : [пер. М. А. Дмитриевской]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. – М. : ЛКИ, 2008. – 256 с.
6. Никандров В. В. Психология [Электронный ресурс] : учебник / В. В. Никандров – М. : Волтерс-Клувер, 2009. – 1008 с. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
7. 555 английских пословиц и поговорок / [составители Л. Ли, И. Павлович]. – Одесса : Экология, Букинттерправо, 1993. – 88 с.
8. Aeronautics, an Educator's Guide with Activities in Science, Mathematics [Электронный ресурс] / [US. National Aeronautics and Space Administration]. – 1998. – 128 p. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
9. Cambridge Dictionary of American Idioms [Электронный ресурс]. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 2006. – Режим доступа к словарю : <http://idioms.thefreedictionary.com>.
10. Carroll Lewis. Sylvie and Bruno / Lewis Carroll. – 1st World Library –Literary Society, 2008. – 308 p.
11. Hill Aaron. Prompter [Электронный ресурс] / Aaron Hill. – New York : Noble Offset Printers, 1972. – P. 60. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4th updated ed., with writing assistant. – Longman, 2005. – 1950 p.
13. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа к словарю : <http://www.macmillandictionary.com>.
14. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [Электронный ресурс]. – McGraw-Hill, 2002 – 1098 p. – Режим доступа к словарю : <http://idioms.thefreedictionary.com>.
15. Merriam-Webster's Online Search [Электронный ресурс]. – Режим доступа к словарю : <http://www.merriam-webster.com>.
16. Shakespeare W. Romeo and Juliet [Электронный ресурс] / William Shakespeare. – London, 1839. – P. 12. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
17. Shakespeare W. The Merchant of Venice [Электронный ресурс] / William Shakespeare. – Act 3, sc. II; Act 5, sc. I; Act II, sc. IX. – Режим доступа к кн. : <http://thelibrary.ru/books>.
18. Spenser E. The Fairy Queen [Электронный ресурс] / Edmund Spenser. – 1758. – P. 368. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
19. The American Heritage Dictionary of Idioms / [by Christine Ammer]. – Houghton Mifflin, 1997. – 729 p.
20. The Best American Short Stories 2003 [Электронный ресурс] : [eds. Walter Mosley, Katrina Kenison]. – 2003. – P. 105. – Режим доступа к кн. : <http://books.google.ru>.
21. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа к словарю : <http://idioms.thefreedictionary.com>.
22. The Holy Bible. New King James Version. – Thomas Nelson, 1982. – 500 p.

УДК 802.0-56 (075.8)

И. И. Суима,

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепр

РЕСПОНСИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАНТА

Статья посвящена рассмотрению респонсивных предложений как реакции на выражение, в частности на императивные конструкции, которые могут быть построены участниками диалога в процессе коммуникации. Указано, что возможна определенного рода экстраполяция характера респонсивов в системе вопрос-ответ на другие коммуникативные системы, связанные с интенцией как волеизъявления, так и информирования.

Ключевые слова: респонсивное предложение, система волеизъявления, система вопрос-ответ, императивные конструкции, вербальная реакция.

РЕСПОНСИВНІ РЕЧЕННЯ ЯК ВЕРБАЛЬНА РЕАКЦІЯ НА ВОЛЕВИЯВЛЕННЯ КОМУНІКАНТА

Стаття присвячена розгляду респонсивних речень як вербальної реакції на висловлювання, зокрема на імперативні конструкції, що можуть бути побудовані учасниками діалогу в процесі комунікації. Вказано, що можлива певного роду екстраполяція характеру респонсивів в системі питання-відповідь на інші комунікативні системи, пов'язані з інтенцією як волевиявлення, так і інформування.

Ключові слова: респонсивне речення, система волевиявлення, система питання-відповідь, імперативні конструкції, вербальна реакція.

RESPONSIVE SENTENCES AS A VERBAL REACTION TO THE COMMUNICANT'S IMPERATIVE EXPRESSION

The article deals with the consideration of the responsive sentences as a reaction to the expression, especially on the imperative constructions, which can be built by the participants of the dialogue in the process of the communication. Responsive sentence itself is representing not only the answer to the question, but mostly reaction to this question. If to interpret the notion «responsive sentence» in a broader sense, it is possible to suppose, that this syntactic unit can be used not only in the correlation with the interrogative sentences, but also in relation with the other ones: declarative, imperative, optative. Such a consideration can be reasoned by the fact that a person can react verbally not only the question (interrogative sentence), but also the statement (declarative sentence), command or request (imperative sentence), expressing of someone's wishes (optative sentence) etc. Subclasses of functional and non-functional responsive sentences can also be represented responsiveness-reactions to the interrogative sentences as well as declarative and imperative ones. For example, informative subtype of responsive sentences that comprises such subclasses as tautological and heuristic responsiveness contain responsiveness as a verbal reaction to any kind of the communicative act.

Key words: responsive sentences, imperative system, question-answer system, imperative construction, verbal reaction.

В системе волеизъявление-реакция, как и в вопросно-ответной, реакция может быть физической, со словесным сопровождением или без такового, вербальной, т.е. респонсивом, и словесно-невывраженной, когда отвечающий промолчал. Проблеме определения самих понятий «ответ», «реакция», классификации ответов посвящено большое количество исследований [1; 2; 3; 4]. Однако, особенности вербальной реакции на императивную конструкцию еще не достаточно изучены и требуют более детального их рассмотрения. Цель данной статьи – проанализировать и описать основные типы вербальной реакции на волеизъявление коммуниканта, указать общие и дифференциальные признаки респонсивных предложений в системе волеизъявления с респонсивами в других системах коммуникации. Вербальная реакция в предложенном исследовании репрезентируется респонсивным предложением. Физическая реакция словесного оформления не имеет, и, естественно, не может быть предметом лингвистических изысканий. Однако невыраженная реакция так или иначе указывает на отношение отвечающего к поставленному вопросу, а через этот вопрос – и к самому спрашивающему, и к характеру и уместности вопроса. Это тоже одна из составляющих поведения коммуникантов: и того, кто спрашивает, и того, кто отвечает. Отвечающий в силу тех или иных причин не считает нужным или даже возможным отвечать на поставленный вопрос. Это, по-видимому, свидетельствует о корректности и степени этической и лингвистической нормативности самой интенции и связано с характером вопроса. Вопросы, как было показано выше, могут быть чрезвычайно разнообразными как по их структуре, так и по прагматике. Вопросам, все-же, иногда сопутствует молчание, т.е. своего рода невыраженная реакция, но если в системе вопрос-ответ такая реакция – эпизод и спрашивающий при необходимости может, все-же добиться ответа или прямого отказа отвечать (*Why don't you want her to work here? – Oh, please, don't think about it. – But I want to know. Please, tell me. – Let's speak later, ok? – Now! It is not too difficult to answer my question! – Ok, I don't want her to work in our department because of too difficult production technology here. She is not professional in it*), то в системах волеизъявления и информирующей невыраженная реакция может завершить акт коммуникации, а соответственно она может быть лингвистически значимой по крайней мере в том плане, что на нее следует указать, ее следует иметь в виду. Поэтому мы считаем целесообразным при описании указанных систем при первом разделении речевых произведений отвечающего, указав на возможность молчания отвечающего, провести грань между вербальной и невыраженной реакцией и рассматривать только вербальную, поскольку в невыраженной нет конкретной речевой цепи, а соответственно и собственно респонсива.

Итак, обращаясь к системам волеизъявления и информирования и допуская возможность словесно-невывраженной реакции, мы исследуем только соответствующие речевые фигуры как респонсивные предложения и включая их в систему волеизъявления, формируем и описываем общую для зафиксированных нами речевых интенций концепцию респонсива в трех его, разумеется, с некоторыми коррективами, основных ипостасях: контентный респонсив, эмпи-респонсив, латентный респонсив [6; 7].

Респонсивные предложения в вопросно-ответной системе – это самый естественный и наиболее характерный, условно говоря, функциональный ареал для соответствующих конструктов. Но и в других системах коммуникации респонсивы функционируют достаточно часто и нередко оказываются столь же лингвистически значимыми, а также столь же структурно и функционально разнообразными уже хотя бы потому, что три основных коммуникативных типа предложений могут быть свободно трансформированы друг в друга на формальном уровне с практически абсолютным соответствием их плановыражения. Так, меняя только форму синтаксического предиката практически одним и тем же набором лексем можно выразить как различные интенции, так и вербальную на нее реакцию подобно тому как это имеет место в полной парадигме простого предложения. Например, повествовательное – *The guard is sleeping (was sleeping, will be sleeping)*; вопросительное – *Is the guard sleeping? (was sleeping, will be sleeping)*; побудительное – *Sleep, the guard!* Или еще в более простом варианте: *He said where have you been;* вопросительное – *Where have you been?*; побудительное – *Tell me, where have you been!* В реальной коммуникации дело, правда, обстоит несколько сложнее.

Интенция воплощается в какую-то конкретную словесную конструкцию (СК), (это может быть одно слово, целое предложение и т.п.) и реакция участника коммуникации возникает не на интенцию, которая может быть скрытой, а на соответствующую словесную конструкцию. Эта реакция может быть вербальной и невербальной (физической) и, в зависимости от характера интенции, та или иная может быть доминирующей (преобладать). Степень обязательности / факкультативности вербальной реакции связана уже не столько с собственно интенцией, сколько с представляющей ее СК (вопросительным, побудительным, повествовательным предложениями).

В системе вопрос-ответ такая реакция чаще всего (практически) обязательна. На заданный вопрос нужно что-то ответить, если человек не реагирует на вопрос, игнорирует его, это уже не норма коммуникации. Можно, конечно, пожалеть плечами, но это невербальная реакция. Респонсив обязательен, необходим.

Если же, интенция представляет собой волеизъявление говорящего, ей может сопутствовать невербальная (физическая) реакция: субъект В исполняет повеление или не исполняет (это тоже физическая реакция), при этом вербальная

реакция необязательна. Семантически вопросы сходны с императивами, но в отличие от вопросов, которые связаны главным образом с языковой реакцией, императивы обычно требуют каких-то форм нелингвистического поведения или действия [8, с. 353]. Если речевая реакция есть, она либо указывает на неприятие воли субъекта А (отказ от действия): *Give me the book! – No / Never / I can't do it / I haven't any*, либо сопутствует такой воле, принимает ее: *Give me the book! – Ok / With pleasure / Which one? / One minute, please* и т.п. Вербальная реакция в системе волеизъявления – исполнение факультативна и коммуникативно значима, надо полагать, только тогда, когда субъект В просит дать ему какую-то дополнительную информацию о том или ином фрагменте соответствующей словесной конструкции, проявляя или не проявляя своей готовности исполнить волеизъявление говорящего: *Go to the shop, please! – Now? / What do you want me to buy for you? / What do you want? / Why do you want me to do it?* Таким образом, в системе волеизъявления может появиться третий коммуникативно значимый компонент, дополняющий эту фигуру и преобразующий ее в какое-то иное конструктивное построение, меняющее местами субъектов А и В, т.е. заставляющего реагировать субъекта А на интенцию субъекта В: *What do you want me to buy for you? – Bread and milk / I don't know yet / I can write down a list of goods I want*.

Что касается третьей из основных видов интенции, интенции воплощенной в повествовательном предложении – то она зачастую не имеет особой коммуникативной значимости и мало о чем говорит субъекту А, а тем более, корректирует его речевое поведение: *It is cold today* – физическая реакция – молча одел пальто или не отреагировал, вербальной может не быть, но может и быть независимо от того осуществлена или не осуществлена физическая: *It is cold today – I know / I am aware of the weather forecast for today / Thank you / Why do you tell me about it?* и т.д. Никаких существенных мотивов для вербальной реакции при такой интенции нет. Система коммуникации, как правило, исчерпывается вербальным поведением субъекта А, сокращается до одного компонента.

Возможность изучения и описания респонсивных предложений вне рамок вопросно-ответной системы представляется нам вполне реальной. Как в ситуации с волеизъявлением говорящего, на которое может быть и часто осуществляется какая-то вербальная реакция, сопутствующая физической (*Give me this book! – Ok* и обычно слушающий дает эту книгу / *Give me this book! – Only for two days* и дает / *Give me this book! – It is not mine* и не дает, так и в системах информирования с помощью различного рода повествовательных предложений, на которые тоже может быть та или иная словесная реакция слушающего, связанная с оценкой, одобрением сообщаемого или каким-то иным, в том числе и негативным отношением к полученной информации (*I have finally read that Dickens novel. – My congratulations / Great / But I can't make me to do it*). Теоретически мы не видим сколько-нибудь принципиальной и жесткой регламентации характера соответствующих респонсивов, полагая, что все их основные типы могут быть реализованы при самой различной интенции говорящего, а тем более, если говорить только о двух из трех, отнесенных нами выше к основным типам предложений по их коммуникативному заданию, предложениях побудительных и повествовательных. При этом речь может идти не только о формальной трансформации предложений с одной целью высказывания в предложение с отличным от нее коммуникативным заданием, но и о реакции на собственно ту или другую конкретную интенцию независимо от возможности ее соотнести с какой-то иной установкой говорящего.

Возможна определенного рода экстраполяция характера респонсивов в системе вопрос-ответ на другие коммуникативные системы, связанные с интенцией как волеизъявления, так и информирования. Обратимся сначала к первой из них как в большей степени чем вторая дублирующей основные фигуры рассмотренной выше вопросно-ответной системы. И в самом деле подобно тому, как на поставленный вопрос может быть конкретный ответ (контентный респонсив), может его не быть (эмпти-респонсив), и как вариант, В сам решает есть ответ или нет (латентный респонсив) при волеизъявлении говорящего может быть положительный результат, когда воля исполнена, отрицательный, если воля не исполняется, и ситуация, при которой А остается в неведении о физической реакции В. При этом любому поведению В может сопутствовать и какая-то речевая фигура, так или иначе анонсирующая возможные поступки В: с одной стороны, *now, with pleasure, surely, certainly, of course* а с другой – *no way, do it by yourself, I am busy now* – или *Let's think about it, will see, maybe* и т.п. И такого рода фигуры можно прямо связать, в том числе независимо от реальной физической реакции, с тремя указанными выше общими типами английского респонсива – контентным, эмпти, латентным.

Волеизъявление может быть самого различного содержания и по любому поводу (в том числе и с угрозой) в самой различной форме: от вежливой просьбы до категоричного, не допускающего возражений и оговорок, приказа и может сопровождаться какой-то вербально выраженной экспрессией, связанной как с характером волеизъявления, так и со степенью готовности исполнить его (желанием, нежеланием, возможностью, связанными с его исполнением физическими и другими издержками). Соответствующий императив может быть и невыраженным [5, с. 47–48].

В системе волеизъявления говорящего, как было уже отмечено выше, достаточно четко просматривается общая типология английского респонсивного предложения, в том числе, естественно, и самого значимого из них – контентного респонсива. Поскольку, однако, мы не касаемся физической реакции В на волеизъявление А, то контентность или неконтактность речевой реакции В следует поэтому обозначить в соответствии с ее характером как показателем проявления желания, готовности, стремления или просто обещания исполнить повеление А и тем самым сформировать у него установку на положительный результат его волеизъявления или, как минимум, надежду на такой результат: *Read the letter for me, please! – Ok / Please, listen / Let's do it later / With pleasure / Let's wait for Ann*.

Исполнение или неисполнение повеления А, может объективно никак не анонсироваться репликой В. Поведение В не относится к сфере лингвистики и зависит от целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, связанных с соответствующим диалогом, в том числе и от характера взаимоотношений между участниками диалога.

Частным проявлением эмпти респонсива в системе волеизъявления может быть отказ (прямой или завуалированный; мотивированный или немотивированный), указание на нелепость или несвоевременность соответствующего повеления, указание, на невозможность исполнения, в том числе и какой-то упрек, удивление или на то, что так делать нельзя, не надо в силу каких-то этических, нравственных и др. причин.

Указание на готовность исполнить повеление, но с какой-то оговоркой или сообщением об отсрочке (другого срока); общий или частный вопрос, связанный с возможностью или какими-то деталями исполнения соответствующего повеления: *Bring tea for three. – Who is the third?*

Таким образом, в системе волеизъявления, как и в системе вопрос-ответ, четко просматривается общая типология английского респонсивного предложения, в том числе, естественно, и самого значимого из них – контентного респонсива. Характер реакции в данной системе следует определять в соответствии с показателем проявления желания, готовности, стремления или просто обещания одного участника диалога исполнить повеление другого и тем самым сформировать у него установку на положительный результат его волеизъявления или, как минимум, надежду на такой результат.

Література:

1. Брызгунова Е. А. Диалог / Е. А. Брызгунова // Русский язык. Энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – С. 74–75.
2. Винокур Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур // Русский язык; Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1998. – С. 119–120.
3. Изаренков Д. И. Обучение диалогической речи: монография / Д. И. Изаренков. – М. : Русский язык, 1981. – 136 с.
4. Кучинский Г. М. Диалог и мышление / Г. М. Кучинский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1983. – 190 с.
5. Меньшиков И. И. Прагматика невыраженного императива / И. И. Меньшиков // Прагматический аспект грамматической структуры текста. Тезисы совещания. – М., 1988. – С. 47–48.
6. Меньшиков И. И. Типология респонсивных предложений в современном русском языке / И. И. Меньшиков // Избранные труды по лингвистике. – Днепропетровск : Новая идеология, 2012. – С. 85–100.
7. Суима И. П. Responsive sentences out of the question-answer system / И. П. Суима // Вісник Дніпропетровського університету. – Т. 21. – № 11. Сер.: Мовознавство. – Вип.21 (1), Т. 23. – Дніпропетровськ, 2015. – С. 82–86.
8. Wallace L. Chafe Meaning and the structure of language. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1971. – 431 с. – С. 353–396.

УДК 811.111:33

Я. М. Тагільцева,

Полтавська державна аграрна академія, м. Полтава

ОСОБЛИВОСТІ СКЛАДНИХ СЛІВ У АНГЛОМОВНОМУ ЕКОНОМІЧНОМУ ДИСКУРСІ

Стаття присвячена аналізу складних слів у англomовному економічному дискурсі. Визначається їх специфіка на фонетичному рівні. Досліджуються орфографічні ознаки. Вивчається структура композитів на основі морфологічних, семантичних і синтаксичних характеристик.

Ключові слова: складне слово (композит), економічний дискурс, фонетика, морфологія, семантика, синтаксис.

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу сложных слов в англоязычном экономическом дискурсе. Определяется их специфика на фонетическом уровне. Рассматриваются орфографические особенности. Изучается структура композитов на основе морфологических, семантических и синтаксических характеристик.

Ключевые слова: сложное слово (композит), экономический дискурс, фонетика, морфология, семантика, синтаксис.

PECULIARITIES OF COMPOUND WORDS IN ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE

The article deals with the analysis of compound words in English economic discourse. The definition of the term «compound word» is given. The essence of economic discourse is specified. The phonetic peculiarities of composites are determined. Composites with the stress on the first, second syllables and with the double stress are considered. Specific features in spelling are studied. The tendency towards confusable spelling of compound words is stressed. The structure of compound words is studied on the base of morphological, semantic and syntactic characteristics. The typical models of composites in English economic discourse are identified. It is concluded that two- and three-component lexical units are dominant. The importance of identifying the semantic centre within composites is stressed. The elements of different styles (informal, business, scientific etc.) are found out in the structure of compound words in English economic discourse. The role of composites as means of simplifying communication and providing the language with sufficient information capacity is determined.

Key words: compound word (composite), economic discourse, phonetics, morphology, semantics, syntax.

Словоскладання є одним з потужних і ефективних способів утворення нових слів в англomовній комунікації. На сучасному етапі розвитку англійської мови спостерігається активний процес утворення нових слів шляхом поєднання кількох лексичних компонентів, що обумовлюється наміром мовця спростити комунікацію і зробити мовленнєвий матеріал більш лаконічним.

Як наслідок, виникають складні слова, або композити, дослідженню яких присвячено чимало наукових праць іноземних учених (О. І. Смирницький, В. І. Арнольд, Н. В. Аржанцева, Д. О. Шепелева та ін.) В українському мовознавстві вивчення багатокомпонентних лексичних одиниць має загальний характер. Так, С. С. Воробйова розглядає напрями дослідження, роль та місце складних та складноподібних слів у сучасній англійській мові [3]. Л. Г. Радочинська досліджує особливості словоскладання [5]. О. Голуб та О. Бондаренко висвітлюють специфіку словоскладання в англійській та українській мовах [4].

Композити функціонують у різних тематичних напрямках англійської мови (аграрному, медичному, юридичному тощо). У зв'язку з цим зростає інтерес до вивчення терміносистем як мовних структур.

На нашу думку, сьогодні під час бурхливого розвитку внутрішніх та зовнішніх економічних відносин, прискорення процесу глобалізації англійська мова в даній сфері комунікації набуває все більшої актуальності. Отже, англomовний економічний дискурс потребує глибокого наукового дослідження. Слід зазначити, що даний тип дискурсу ми розглядаємо як такий, що поєднує у собі такі підтипи, як фінансовий, обліковий, банківську сферу, податкову тощо. Крім того, об'єктом нашого дослідження слугували такі жанрові різновиди англomовного економічного дискурсу, як інтерв'ю, економічні новини, доповіді, дискусії, статті тощо.

Відзначимо, що під терміном «складне слово», «композит» ми розуміємо складну за своєю структурою лексичну одиницю, утворену шляхом поєднання слів, що представляють самостійну форму і мають власне лексичне значення.

Одним з критеріїв ідентифікації складних слів є їхнє цілісне оформлення, тобто неподільність, неможливість використання між частинами композита інших мовних елементів. Ми, слідом за І.В. Арнольд [2, с. 85], виділяємо наступні ознаки цілісного оформлення складних слів – фонетичні, орфографічні, семантичні, морфологічні та синтаксичні. Фонетична ознака полягає у ставленні наголосу в складному слові. Вивчаючи складні слова в контексті англomовного економічного дискурсу на фонетичному рівні, ми виділили такі групи:

- 1) слова, в яких наголос падає на перший або другий компонент (bankbook, charge-off, deadline, chairmanship, credit-note);
- 2) слова з подвійним наголосом (основним і другорядним): brand-new, by-effect, custom-made, loan-holder, take-over);
- 3) слова з двома рівноправними наголосами (close-out, buy-out, roll-back).